

Деревянные предметы с христианской и языческой символикой из раскопок в Новгороде и Старой Руссе [Derevjannye predmety s xristianskoj i jazyčeskoj simvolikoj iz raskopok v Novgorode i Staroj Russe]

Aleksandr Musin, Olga A Tarabardina, Emma Kublo, Larisa Kokutsa

▶ **To cite this version:**

Aleksandr Musin, Olga A Tarabardina, Emma Kublo, Larisa Kokutsa. Деревянные предметы с христианской и языческой символикой из раскопок в Новгороде и Старой Руссе [Derevjannye predmety s xristianskoj i jazyčeskoj simvolikoj iz raskopok v Novgorode i Staroj Russe]. Российский археологический ежегодник [Rossijskij arxeologičeskij ezegodnik, Saint-Pétersbourg], 2016, 5-6, pp.157-170. ⟨hal-03222770⟩

HAL Id: hal-03222770

https://normandie-univ.hal.science/hal-03222770

Submitted on 10 May 2021

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Мусин А. Е., Тарабардина О. А., Кокуца Л. В., Кубло Э. К.

Деревянные предметы с христианской и языческой символикой из раскопок в Новгороде и Старой Руссе

Резюме. Авторами поставлена задача составления полного каталога деревянных культовых предметов из раскопок в Новгороде и Старой Руссе, уточнения их хронологии, исследования древесины и выявления возможных связей между функцией предмета и породой дерева. В лаборатории консервации и реставрации археологической древесины Новгородского музея было выполнено исследование деревянных предметов с христианской символикой, а также вещей, предположительно связанных с языческими верованиями. Исследовано 190 артефактов: 159 экз. из Новгорода и 31 экз. из Старой Руссы. Исследованные артефакты относятся к X–XV вв., при этом большая часть христианских предметов концентрируется в слоях XII–XIII вв., а предметы, связанные с языческим культом, встречаются, главным образом, в ранних горизонтах X–XI вв. Для изготовления этих предметов использовалось дерево 20 пород, в подавляющем большинстве широко распространенных на северо-западе России. Выбор вида древесины связан с бытовыми, а не культовыми функциями предметов, а зачастую случаен.
Ключевые слова: средневековье, Новгород, Старая Русса, христианство и язычество, деревянные артефакты, хронология.

Musin A. E., Tarabardina O. A. Kokutsa L. V., Kublo E. K. Wooden objects bearing Christian and pagan symbols from the excavations at Novgorod and Staraya Russa. The paper deals with wooden religious objects from the excavations at Novgorod and Staraya Russa. Special attention is paid to the chronology of these objects and the question of possible links between their cult functions and the timber species used for their manufacture. The study has been carried out in the Laboratory for Conservation and Restoration of Archaeological Wood at the Novgorod State Museum. Both items bearing clear Christian meaning and those related to pagan beliefs were included into the study. Altogether 190 artifacts were examined: 159 from Novgorod and 31 from Staraya Russa. All of them date from the 10th–15th centuries. Most of the Christian objects were found in layers that had formed in the 12th–13th centuries, while the items thought to have been associated with the pagan cult come from the layers dated to the 10th–11th centuries. Twenty different timber species were identified, most of which are common for the northwestern Russia. The choice of wood appears to have been either accidental or determined by practical considerations, showing no connection to the supposed cult functions of the objects.
Keywords: Middle Ages, Novgorod, Staraya Russa, Christianity and paganism, wooden objects, chronology.

Деревянные культовые предметы из раскопок в Новгороде и других центрах Новгородской земли неоднократно привлекали внимание исследователей, но ранее никогда не изучались комплексно. Артефакты с Неревского раскопа, связанные с языческим культом, в частности, резные изделия — навершия и деревянная скульптура, были впервые систематизированы и опубликованы

Б. А. Колчиным в различных изданиях свода Новгородских древностей (Колчин 1968; 1971; Kolchin 1989). Серия статей посвящена публикации, классификации и анализу отдельных находок и их категорий (Седов 1956; Дубровин 1989; Панова 1989; Гайдуков, Дубровин 1996; и др.). Одним из немногих примеров изучения в целом деревянных культовых предметов того или иного раскопа являются работы Л. В. Покровской, посвященные древностям Троицкого раскопа в Людином конце средневекового Новгорода (Покровская 2004; Pokrovskaja 2007). Наряду с археологической предпринимались попытки искусствоведческого осмысления и классификации этих находок (Василенко 1978; Пухначева 1994; 1997). В ходе работы над научно-исследовательским проектом «Язычество и христианство древнерусского города в свете историко-археологических данных: комплексное источниковедение» (РФФИ, проект № 10–06–00164а) мы впервые обратились к комплексному изучению деревянных предметов с христианской и языческой символикой, сосредоточив внимание не на отдельных находках, категориях или раскопах, но на археологических материалах средневековых Новгорода и Руссы в целом, пытаясь одновременно связать разнородные материалы с усадебными комплексами. Проведенные ранее исследования позволили очертить достаточно широкий круг культовых предметов, а также предметов, несущих на себе христианские или языческие символы; нам удалось значительно дополнить количественно и расширить наши представления об этих категориях древностей. Помимо новгородских находок, впервые собраны и систематизированы данные о деревянных культовых предметах из Старой Руссы. Естественнонаучная направленность проекта определила еще один вектор наших исследований: изучение материала, т. е. древесины, из которой изготавливались изучаемые предметы. Свойства разных видов древесины были хорошо известны мастерам средневековья и учитывались при изготовлении различных категорий предметов, выборе технологии и декора (Колчин 1971; Пухначева 1994).

Самое масштабное исследование анатомического строения древесины из новгородских раскопок (более 900 предметов, в том числе и культовых) было предпринято в 1950–1960-е гг. под руководством В. Е. Вихрова (Вихров, Колчин 1962). Однако отсутствие указаний на конкретные артефакты при публикации результатов значительно снижает ценность проведенного исследования. Вторая подобная попытка была предпринята группой английских исследователей в ходе реализации проекта INTAS96–009 (1997 г.): среди более 400 изученных предметов лишь 19 относятся к интересующим нас категориям (Brisbane, Hather 2007; ср.: Брисбейн 2009: 163–164). Эту выборку вряд ли можно признать репрезентативной, так как отбор предметов был в достаточной степени произвольным и определялся как эстетическими достоинствами артефактов, так и их доступностью для изучения.

Нашей задачей было составление максимально полного каталога деревянных культовых предметов[1], уточнение их хронологии, исследование древесины и выявление существующих здесь закономерностей. С этой целью в 2010–2012 гг. в лаборатории консервации и реставрации археологической древесины Новгородского музея было выполнено исследование выборки деревянных предметов с христианской символикой, а также вещей, предположительно свя-

[1] Авторы благодарят заведующего отделом изучения проблем археологии Новгородской земли Новгородского государственного университета С. Е. Торопова за консультации и подготовку качественных иллюстраций для каталога.

занных с языческими верованиями. Все предметы происходят из археологических раскопок в Новгороде и Старой Руссе, культурные слои которых хорошо сохраняют органические материалы, что и делает возможным изучение изготовленных из них предметов, в том числе дерева. В 2010 г. изучались находки, хранящиеся в фондах археологии Новгородского музея-заповедника, а в 2011–2012 г.— экспонаты, находящиеся в постоянной экспозиции, на временных выставках музея, а также некоторые случайные находки. Вид древесины определялся по принятой методике: структура дерева предметов исследовалась под микроскопом (Schweingruber 2000).

В выборке представлены следующие категории находок: заготовки иконок, фрагменты киотов и церы (29 экз.), крестики (12 экз.), штампы для просфор, именуемые иногда «пряничными досками» (8 экз.) (возможные параллели и евхаристическую символику см. в: Galavaris 1970), посуда и бытовые предметы с христианской и языческой символикой (24 экз.), а также антропоморфные скульптурные изображения («идолы» — 23 экз.), изображения руки со свитком или шаром (15 экз.) и так называемые навершия (79 экз.). Стоит отметить, что если предметы, связанные с христианской традицией, выявляются достаточно четко (рис. 1–3), то критерии категории артефактов, обычно отождествляемых с языческими верованиями, весьма расплывчаты, что позволило исследователям говорить об «археологически неуловимом славянском язычестве» (Мусин 2012: 556). Среди антропоморфных скульптур, наряду с изображениями идолов или домовых (Арциховский 1956: 33; Колчин 1971; Василенко 1977: 368; Бочаров 1987: 127; Панова 1989: 93) встречаются и детские игрушки — простые деревянные куклы, при этом четких оснований для определения той или иной скульптуры как культовой вещи не существует (рис. 4: *2, 3*).

Рис. 1. Заготовки икон и крестик: 1 — заготовка иконки, можжевельник (Н-75, Троицкий I раскоп, 10–101; НГОМЗ, КП 26517 / А 42–597); 2 — крестик, можжевельник (Н-79, Нутный раскоп, 5–10-№ 32; НГОМЗ, КП 30860 / А 69–152); 3 — заготовка иконки, кора (Н-52, Неревский раскоп, 31–53-№ 4619; НГОМЗ, КП 35237–442)

Fig. 1. Half-finished icons and a cross: 1 — half-finished icon, juniper (H-75, Troitsky I excavation area, 10–101; Novgorod State Museum, Accession book 26517 / A 42–597); 2 — small cross, juniper (H-79, Nutnyi excavation area, 5–10-№ 32; Novgorod State Museum, Accession book 30860 / A 69–152); 3 — half-finished icon, bark (H-52, Nerevsky excavation area, 31–53-№ 4619; Novgorod State Museum, Accession book 35237–442)

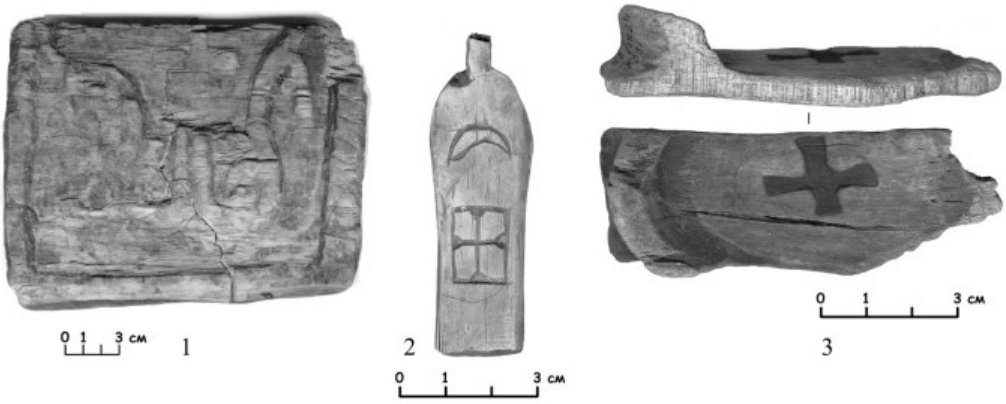

Рис. 2. Деревянные предметы с христианской символикой: 1 — штамп с изображением процветшего креста, береза (Н-80, Троицкий V раскоп, 11–360; НГОМЗ, КП 31440 / А 71–164); 2 — поделка с крестом, можжевельник (Новгород, без паспорта; НГОМЗ, КП 32435 / А 73–555); 3 — поддон сосуда, клен (Н-56, Неревский раскоп, 26–1234-№ 331; НГОМЗ, КП 32435 / А 73–116)

Fig. 2. Wooden objects with Christian symbols: 1 — stamp with the bloomed cross, birch (Н-80, Troitsky V excavation area, 11–360; Novgorod State Museum, Accession book 31440 / А 71–164); 2 — article with a cross, juniper (Novgorod, provenience unknown; Novgorod State Museum, Accession book 32435 / А 73–555); 3 — vessel base, maple (Н-56, Nerevsky excavation area, 26–1234-№ 331; Novgorod State Museum, Accession book 2435 / А 73–116)

Рис. 3. Деревянная чаша с изображением креста, клен (СтР-2001, Борисоглебский раскоп, 27б-13-№ 20)

Fig. 3. Wooden bowl with a cross image, maple (СтР-2001, Borisoglebsky excavation area, 27б-13-№ 20)

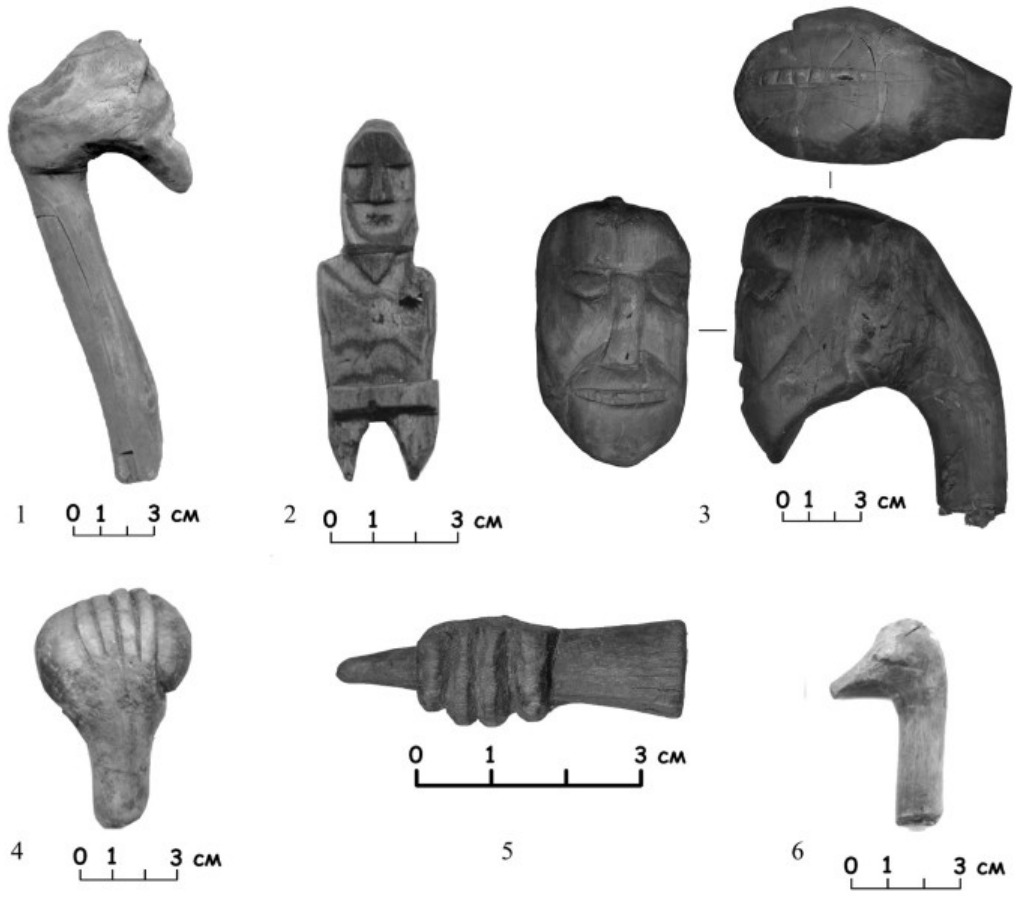

Рис. 4. Деревянные предметы, предположительно связанные с языческими верованиями: 1 — навершие антропоморфное, вяз (Неревский раскоп, яр.8, 12–919; НГОМЗ, КП 32435 / А 73–517); 2 — фигурка антропоморфная, сосна (Н-86, Троицкий VII раскоп, 22–570-№ 3; НГОМЗ, КП 42203 / А 189–48); 3 — навершие антропоморфное, вяз (Н-95, Троицкий XI раскоп, 2–1261-№ 14; НГОМЗ КП 41851 / А 174–728); 4 — навершие в виде руки с шаром, дуб (Неревский раскоп, яр.10, 11–582; НГОМЗ, КП 32435 / А 73–478); 5 — навершие в виде руки со свитком, жимолость (Н-86, Троицкий VIII раскоп, 13–754-№ 18; НГОМЗ, КП 42359 / А 186–307); 6 — навершие зооморфное, жимолость (Н-09, Троицкий XIII раскоп, 16–1593-№ 2)

Fig. 4. Wooden objects presumably associated with pagan beliefs: 1 — anthropomorphic finial, elm (Nerevsky excavation area, layer 8, 12–919; Novgorod State Museum, Accession book 32435 / A 73–517); 2 — anthropomorphic figurine, pine (H-86, Troitsky VII excavation area, 22–570-№ 3; Novgorod State Museum, Accession book 42203 / A 189–48); 3 — anthropomorphic finial, elm (H-95, Troitsky XI excavation area, 2–1261-№ 14; Novgorod State Museum, Accession book 41851 / A 174–728); 4 — finial in the form of a hand holding a ball, oak (Nerevsky excavation area, layer 10, 11–582; Novgorod State Museum, Accession book 32435 / A 73–478); 5 — finial in the form of a hand holding a scroll, honeysuckle (H-86, Troitsky VIII excavation area, 13–754-№ 18; Novgorod State Museum, Accession book 42359 / A 186–307); 6 — zoomorphic finial, honeysuckle (H-09, Troitsky XIII excavation area, 16–1593-№ 2)

Аналогии антропоморфным фигуркам (рис. 5) на сегодняшний день известны в средневековых городах не только Руси, но и Западной Европы, в частности в порту Шлезвига, в слоях XI в., где аналогичная находка с привлечением новгородской параллели парадоксальным образом интерпретируется как «домовой из Новгорода» (Radtke 2010; Радке 2012), хотя связь идола с германской языческой иконографией и его предположительно скандинавское происхождение представляются очевидными. В Новгороде этот идол найден на усадьбе П Троицкого раскопа непосредственно в срубе Х-149 940–950-х гг. (Петухова 2011: 32, 83, 173, 183, план 1, рис. 4), т. е. в слоях, раскрывающих быт первопоселенцев города.

Миниатюрные деревянные изображения руки, держащей свиток или шар (рис. 4: *4, 5*), как считают исследователи, могли являться символами власти (Покровская 2004: 72). Не исключено влияние на этот вид предметов соответствующих артефактов византийской культуры.

Назначение так называемых наверший — деревянных стержней с завершением в виде голов животного, птицы, шара (рис. 4: *1, 6*),— в литературе обсуждалось неоднократно. Говорилось как об их культовом назначении, так и о возможной утилитарной функции (в качестве рукоятей плетей — Дубровин 1989: 63; 2000). Не вдаваясь в дискуссию, мы решили исследовать часть таких предметов, руководствуясь представлениями о том, что в мировоззрении средневекового человека предмет с каким-либо изображением может иметь и сакральную функцию.

Рис. 5. Деревянный идол, ольха (Н-94, Троицкий Х раскоп, предматерик-1092-№ 15; НГОМЗ, КП 41170 / А 170–602)

Fig. 5. Wooden idol, alder (H-94, Troitsky X excavation area, close to native soil-1092-№ 15; Novgorod State Museum, Accession book 41170 / A 170–602)

К числу символов, имевших защитно-охранный характер, относятся изображения трикветры: три пересекающиеся подтреугольные фигуры обнаружены на двух предметах из новгородской коллекции. Они вырезаны на рукояти ковша (рис. 6, *1*), найденного на усадьбе И Троицкого раскопа в Новгороде в слоях последней четверти X в., и на уключине (рис. 6, *2*), обнаруженной на соседней усадьбе Г в горизонте конца X — начала XI в. Похожие знаки из трех пересекающихся символов встречаются на предметах из раннесредневековых памятников Скандинавии и Восточной Европы — Гнездова, городища Супруты, Рюрикова Городища, а также Киева (Сергєєва 2010: 37, 235, таб. 64), где их также связывают со скандинавской традицией. В скандинавское же искусство этот мотив, как считается, попал с Британских островов, от кельтов и англосаксов (Носов, Хвощинская, Дорофеева, Гиря 2009: 378; Мусин 2012: 578). Возможно, такие предметы связаны с культурой первопоселенцев Новгорода, среди которых были и скандинавы (Musin 2014: 426–427). Изображения трикветры в норманнском искусстве имели магический, апотропеический характер, поэтому предметы с этим символом также включены в наш каталог, насчитывающий свыше 460 находок.

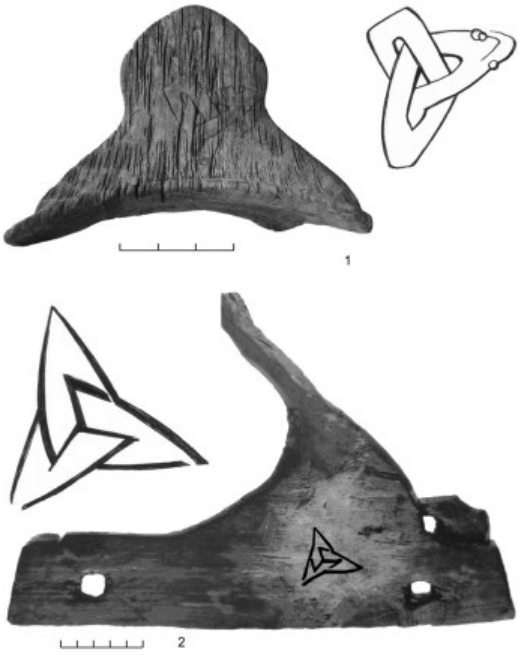

Рис. 6. Деревянные изделия с изображением скандинавских языческих символов: 1 — рукоять ковша с изображением трикветры, клен (Н-98, Троицкий XI раскоп, 18–1237-№ 4; НГОМЗ, КП 43204 / А13–1518); 2 — уключина лодки с изображением трикветры (Н-87, Троицкий VIII раскоп, 19–688-№ 32; НГОМЗ КП 44/655)

Fig. 6. Wooden objects bearing Scandinavian pagan symbols: 1 — scoop handle with an image of triquetra, maple (H-98, Troitsky XI excavation area, 18–1237-№ 4; Novgorod State Museum, Accession book 43204 / A13–1518); 2 — boat rowlock with an image of triquetra (H-87, Troitsky VIII excavation area, 19–688-№ 32; Novgorod State Museum, Accession book 44/655)

Количество изученных артефактов — 190 экз.: 159 экз. происходят из различных раскопов в Новгороде и 31 экз. — из раскопов в Старой Руссе. По раскопам предметы количественно распределяются следующим образом (табл. 1): Новгород: раскопы Неревский — 40 экз., Ильинский — 4 экз., Михайловский — 1 экз., Троицкий — 97, Нутный — 1, Федоровский — 2, Никитинский — 3, Козмодемьянский — 4, Посольский 2006 г.— 1, случайные находки — 6 экз.; Старая Русса: раскопы IX — 1 экз., Борисоглебский — 16 экз., Пятницкий — 14 экз. Хронологически эти предметы относятся к X–XV вв.

Таблица 1. **Деревянные предметы с христианской и языческой символикой из раскопок в Новгороде и Старой Руссе: распределение по раскопам**

Раскоп	Количество предметов
Новгород	
Неревский 1951–1961	40
Ильинский 1962–1964	4
Михайловский 1970	1
Троицкий 1973–2009	97
Нутный 1979	1
Федоровский 1991–1993,1997	2
Никитинский 2002–2004	3
Козмодемьянский 2005	4
Посольский 2006	1
Случайные находки	6
Старая Русса	
Раскоп IX 1969	1
Борисоглебский 1999–2001	16
Пятницкий 2002–2009	14
Всего	**190**

В результате исследования установлено, что для изготовления этих предметов использовалось дерево 20 пород (см. табл. 2). Наиболее популярны можжевельник (*Juniperus*) — 24 экз., сосна (*Pinus*) — 23 экз., клен (*Acer*) — 19 экз., вяз (*Ulmus*) — 19 экз. и дуб (*Quercus*) — 17 экз. В выборке хорошо представлены также крушина (*Frangula*) — 15 экз., жимолость (*Lonicera*) — 15, береза (*Betula*) — 10 экз., ива (*Salix*) — 10 экз., реже встречаются вишня (*Prunus avium*) — 6, ель (*Picea*) — 5 экз., ясень (*Fraxinus*) — 5 экз., осина (*Populus*) — 5 экз., ольха (*Alnus*) — 3 экз., самшит (*Buxus*) — 2 экз., лещина (*Corylus*) — 2. Единичные предметы сделаны из липы (*Tilia*), рябины (*Sorbus*), яблони (*Pirus malus*), груши (*Pirus communis*). Три предмета изготовлены из коры, вид древесины двух изделий определить не удалось: это крестик и уключина лодки с изображением трикветры[2]. Последний предмет был передан на хранение в музей,

[2] По нашим данным, большая часть лодочных уключин изготавливалась из осины, обладающей большой прочностью (8 случаев из 9); по аналогии, интересующая нас уключина также могла быть сделана из осины.

отдельно от коллекции 1987 г., что затруднило его поиски. Изображение сохранилось в отчете (Янин, Рыбина, Хорошев, Гайдуков, Сорокин 1988: 59, рис. 176).

Таблица 2. **Породы древесины, использованные для изготовления предметов с христианской и языческой символикой из раскопок в Новгороде и Старой Руссе**

№	Порода дерева	Кол-во экз.
1	Можжевельник (*Juniperus*)	24
2	Сосна (*Pinus*)	23
3	Клен (*Acer*)	20
4	Вяз (*Ulmus*)	19
5	Дуб (*Quercus*)	17
6	Жимолость (*Lonicera*)	15
7	Крушина (*Frangula*)	15
8	Ива (*Salix*)	10
9	Береза (*Betula*)	10
10	Вишня (*Prunus avium*)	6
11	Ель (*Picea*)	5
12	Ясень (*Fraxinus*)	5
13	Осина (*Populus*)	5
14	Ольха (*Alnus*)	3
15	Лещина (*Corylus*)	2
16	Липа (*Tilia*)	1
17	Рябина (*Sorbus*)	1
18	Яблоня (*Pirus malus*)	1
19	Груша (*Pirus communis*)	1
20	Самшит (*Buxus*)	2
21	Кора	3
22	Не определено	2
	Всего	190

Подавляющее большинство исследованных предметов изготовлено из местных, широко распространенных на Северо-Западе пород древесины. Единственный вид импортной древесины, применявшийся для изготовления культовых предметов — это самшит. В русском прикладном искусстве самшит благодаря своей твердой желтоватого цвета древесине с плотной структурой зачастую имитировал кость (Пухначева 1994). Самшит в изобилии растет на черноморском побережье Кавказа, он систематически поступал в Новгород по волжскому торговому пути в X–XIV вв.; количество изделий из самшита в новгородских слоях достигает максимума в XIV в. (Рыбина 2001: 86; Холден (Смирнова) 2004: 69). Именно к этому времени относятся две небольшие самшитовые заготовки иконок с Ильинского и Неревского раскопов.

Как показали проведенные исследования, большая часть предметов, для изготовления которых требуется расколоть дерево на доски, а именно заготовки иконок, киотов, цер, штампов для просфор («пряничных досок»), делаются из хвойных пород: сосны (*Pinus* — 10), ели (*Picea* — 3), можжевельника

(*Juniperus* — 10) и самшита (*Buxus* — 2). Церы со сложным резным орнаментом на оборотной стороне во всех случаях изготовлены из можжевельника. В этой категории предметов лишь однажды встретилась липа (*Tilia*). Это заготовка иконки с ковчегом с Троицкого III раскопа[3], хотя известно, что храмовые иконы обычно изготавливались именно из липы[4]. Напомним, что знаменитая новгородская псалтырь — цера с написанными на воске текстами 75, 76 и 67-го псалмов, найденная на Троицком раскопе в 2000 г., также изготовлена из липы (Янин, Зализняк 2001). В нашей выборке представлены три заготовки иконок, выполненные из коры. Среди них привлекает внимание экземпляр с Неревского раскопа: на нем ясно видны очертания фигуры святого в длинном одеянии (рис. 1, *3*). Сама иконка может иметь аналогии в новгородском медном литье XV–XVI вв. (Стерлигова 1996: 388, № 113, 114).

При изготовлении деревянных крестиков популярным материалом являлся можжевельник: среди 11 изученных крестов шесть сделаны из можжевельника (*Juniperus*), два — из дуба (*Quercus*), и по одному экземпляру — из сосны (*Pinus*), ясеня (*Fraxinus*) и жимолости (*Lonicera*). Наиболее изящные экземпляры, покрытые тонкой резьбой, а также центральная перекладина креста с прорисованным изображением Распятия с предстоящими XIII в. из Старой Руссы[5], как и все три поделки с крестами и крестообразными знаками, также можжевеловые. Формы деревянных крестов повторяют формы крестиков из других материалов — камня и металла.

Крест как оберегающий символ нередко встречается на разных средневековых бытовых предметах: прялке, детской колыбели, весле и особенно часто — на посуде: в нашей выборке представлены фрагменты семи сосудов и шести ложек с изображением креста. Один ковш был украшен североевропейским охранительным символом — трикветрой. Девять деревянных чаш, найденные вместе с остатками воска в жертвенной яме на территории Неревского раскопа в 1953 г., по мнению В. В. Седова, являлись следами языческой братчины — жертвоприношения, совершенного первыми поселенцами этого района Новгорода, обосновавшимися здесь в X в. (Седов 1956; 1957). К сожалению, этот комплекс был разделен и по окончании раскопок предметы из него попали на хранение в разные музеи. Нам удалось исследовать три чаши, находящиеся в настоящее время в экспозиции Новгородского музея. Изучение посуды приводит к выводу, что излюбленным материалом для ее изготовления с древнейших времен был клен, отличавшийся твердостью и прочностью (11 из 17 предметов): из него сделаны как чаши из жертвенной ямы с Неревского раскопа, так и чаша с трикветрой и посуда с христианской символикой. Использовались и другие породы дерева: сосна (*Pinus* — 2), можжевельник (*Juniperus* — 2), ясень (*Fraxinus* — 1), ива (*Salix* — 1). Традиция украшать бытовую посуду и предметы сакральными сюжетами и христианской символикой, которые выполняли функцию пищевого и бытового оберега — свидетельство особенностей «менталитета повседневной культуры христианского общества на определенном этапе его развития — освящение всего и вся в собственном быту», связанных с моментом самоидентификации (Мусин, Степанов 2007: 116–117).

[3] Н-75, 12–105; НГОМЗ, Книга поступлений 26517 / А42–620. Здесь и далее шифр находки содержит место и год раскопок (Н – Новгород, СтР — Старая Русса), пласт-квадрат-№ по полевой описи; шифр музейного хранения).

[4] Благодарим за консультацию старшего научного сотрудника НГОМЗ, хранителя фонда древнерусской живописи Ю. Б. Комарову.

[5] Стр. Р-69, Р-IX, 12–30-№ 43; НГОМЗ, Книга поступлений 25531 / А24–12.

Антропоморфные изображения идолов или домовых изготавливались из самого разного дерева, в выборе пород (10) не прослеживается какой-либо закономерности. В нашей выборке ни разу не встретились скульптурные изображения из липы (*Tilia*), хотя Б. А. Колчин при публикации сводов деревянных изделий Новгорода отмечал, что именно липа была излюбленным материалом для изготовления скульптур и резных изделий (Колчин 1971: 7).

Наибольшее разнообразие древесных пород демонстрируют навершия — самая многочисленная группа в нашей выборке: в этой категории предметов не выявлено определенного преимущества какой-либо породы древесины, здесь представлен весь спектр местных хвойных и лиственных пород. Вероятно, выбор сорта древесины при изготовлении такого рода поделок носил случайный характер: большее внимание уделялось форме палки, сучка, куска дерева.

Изучение культовых предметов из дерева приводит к выводу, что выбор того или иного вида древесины для их изготовления связан с их бытовыми, а не культовыми функциями, а зачастую случаен. В ранних слоях Новгорода (X–XI вв.) и Старой Руссы (XI в.) наблюдается большее разнообразие древесных пород, чем в слоях XIII–XIV в. Это подтверждается и при изучении других категорий деревянных предметов (Соловьева 2010: 197–198). Та же тенденция характерна и для строительной древесины. Например, на Троицком раскопе, по нашим наблюдениям, в постройках X в., помимо сосны и ели, встречаются дуб, береза, осина, ольха, а начиная со второй половины XI в. в строительстве используются главным образом сосновые и еловые бревна. Возможно, это вызвано сокращением запасов некоторых видов поделочной древесины в окрестных лесах в связи с климатическими изменениями и/или в результате антропогенного воздействия на природную среду. Однако это заключение необходимо проверять на более обширном материале.

Как уже отмечалось, исследованные артефакты относятся к X–XV вв., при этом большая часть христианских древностей концентрируется в слоях XII–XIII вв., а предметы, связанные с языческим культом, встречаются, главным образом, в ранних горизонтах X–XI вв. В последней четверти X — на рубеже X–XI вв. попадают в культурный слой новгородских усадеб сломанная чаша и уключина с изображениями североевропейского магического скандинавского символа — трикветры. Здесь уместно вспомнить о других находках различных (в том числе и культовых) предметов скандинавского происхождения на усадьбах будущего Людина конца Новгорода (Рыбина, Хвощинская 2010; Мусин 2012: 564–566). Если металлические культовые предметы — например, железные гривны, «молоточки Тора» и проч.— найдены в предматериковых напластованиях этих усадеб и могут рассматриваться как «строительные жертвы» скандинавской традиции, совершенные первопоселенцами города, то упомянутые нами деревянные предметы попадают в слой на несколько десятилетий позже. Возможно, это связано с их утилитарным назначением: в отличие от амулетов, которые быстро утратили свою актуальность в процессе аккультурации их владельцев в среде новгородцев и оказались невостребованы уже следующим поколением владельцев усадеб Людина конца, бытовые предметы с североевропейскими магическими знаками — чаша и уключина лодки — продолжали использоваться в быту, очевидно, до момента поломки, или же их появление в Новгороде было связано со следующей волной скандинавских переселенцев.

Вообще же деревянные культовые предметы на городских усадьбах немногочисленны. Чаще всего они представлены единичными экземплярами, хотя

встречаются и исключения. По наблюдениям Л. В. Покровской, среди материалов Троицкого раскопа в Людином конце Новгорода выделяются два усадебных комплекса с ярко выраженной спецификой: усадьбы А и Е. Наибольшая концентрация языческих культовых предметов в X–XI вв. отмечена на усадьбе Е (Покровская 2004: 74). Заметим, что наряду с большим количеством наверший, в слоях первой половины XI в. на этой усадьбе найдены берестяная иконка с изображением Христа и св. мч. Варвары и уже упоминавшаяся «новгородская псалтырь». Христианские древности концентрируются в слоях XII в. на усадьбе А; при этом языческих культовых предметов здесь не встречено вообще. Это связано с принадлежностью усадьбы в это время священникам, в частности, священнику-иконописцу Олисею Гречину (Колчин, Хорошев, Янин 1981). Именно на этой усадьбе обнаружены, среди прочего, и 15 заготовок иконок. В целом изучение культовых предметов на конкретных городских усадьбах, анализ соотношения различных категорий христианских древностей между собой и с предметами языческой традиции представляется очень перспективным направлением дальнейших исследований.

Литература

Арциховский А. В. 1956. Археологическое изучение Новгорода // Арциховский А. В., Колчин Б. А. (ред.). Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. (МИА 55). М.: Изд. АН СССР, 7–43.

Бочаров Г. Н. 1987. Русская деревянная скульптура // Бочаров Г. Н. (ред.). Дерево в архитектуре и скульптуре славян. М.: Советский художник, 127–151.

Брисбейн М. 2009. Размышления по поводу почти двадцатилетнего сотрудничества европейских исследователей с Александром Степановичем Хорошевым // Мусин А. Е. (ред.). Хорошие дни. Памяти А. С. Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М.: Леопарт, 159–166.

Василенко В. М. 1977. Русское прикладное искусство. Истоки и становление I в. до н. э.— XIII в н. э. М.: Искусство.

Василенко В. М. 1978. Образ дракона-змия в новгородских деревянных ковшах // Николаева Т. В. (ред.). Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 326–332.

Вихров В. Е., Колчин Б. А. 1962. Древесина в хозяйстве и быте средневекового Новгорода // Труды института леса и древесины 51, 142–157.

Гайдуков П. Г., Дубровин Г. Е. 1996. Антропоморфное деревянное навершие с Троицкого XI раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология 10. Новгород: НГОМЗ, 80–83.

Дубровин Г. Е. 1989. Зооморфные деревянные навершия // Новгород и Новгородская земля. История и археология 2. Новгород: НГОМЗ, 62–64.

Дубровин Г. Е. 2000. Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. М.: ИА РАН.

Колчин Б. А. 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия. (САИ. Вып. Е1–55). М.: Наука.

Колчин Б. А. 1971. Новгородские древности. Резное дерево. (САИ. Вып. Е1–55). М.: Наука.

Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. 1981. Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука.

Кубло Э. К., Кокуца Л. В., Тарабардина О. А. 2013. Деревянные предметы с христианской и языческой символикой из раскопок в Новгороде и Старой Руссе: предварительные результаты исследования // Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника 2011. Великий Новгород: НГОМЗ, 70–76.

Мусин А. Е. 2012. Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии // РАЕ 2, 555–602.

Мусин А. Е., Степанов А. М. 2007. Ложка или лжица? Находка 2005 г. на Троицком раскопе в контексте европейской и византийской традиции. // Новгород и Новгородская земля. История и археология 21. Великий Новгород: НГОМЗ, 107–124.

Носов Е. Н., Хвощинская Н. В., Дорофеева Т. С., Гиря Е. Ю. 2009. Маленькая находка в контексте большой истории // Мусин А. Е. (ред.). Хорошие дни. Памяти А. С. Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М.: Леопарт, 370–384.

Панова Т. Д. 1989. О назначении мелкой деревянной антропоморфной скульптуры X–XIV вв. // СА 2, 85–96.

Петухова М. В. 2011. Усадьба «П» Троицкого раскопа Великого Новгорода в X–XI вв. Дипломная работа. Кафедра археологии исторического факультета МГУ. М.: МГУ.

Покровская Л. В. 2004. Культовые предметы средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // Кузнецов В. В., Малыгин П. Д. (ред.). Новоторжский сборник (история, археология, историческая география). Вып. 1. Торжок, 67–84.

Пухначева Е. Ю. 1994. К вопросу о классификации новгородских художественных изделий из дерева // Янин В. Л., Гайдуков П. Г. (ред.). Новгородские археологические чтения. Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. Великий Новгород: НГОМЗ, 101–108.

Пухначева Е. Ю. 1997. Деревянные изделия Древнего Новгорода (проблемы художественного своеобразия): автореф. дис. … канд. иск. М.: НИИ теории и истории изобразительных искусств Рос. акад. художеств.

Радке Х. 2012. «Шлезвигский муж» — «домовой» из Новгорода? // СА 2, 142–148.

Рыбина Е. А. 2001. Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород: Изд-во Новгородского ун-та.

Рыбина Е. А., Хвощинская Н. В. 2010. Еще раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода // Хвощинская Н. В., Мусин А. Е. (ред.). Диалог культур и народов средневековой Европы. Сб. статей в честь 60-летия Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 66–78.

Седов В. В. 1956. Языческая братчина в древнем Новгороде // КСИИМК 65, 139–141.

Седов В. В. 1957. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде // КСИИМК 68, 20–30.

Сергєєва М. С. 2010. Косторізна справа у стародавньому Києві. Київ: КНТ.

Соловьева Л. Н. 2010. Определение породы деревянных находок из раскопок 2009 г. (по материалам Троицких XIII и XIV раскопов) // Новгород и Новгородская земля. История и археология 24. Великий Новгород: НГОМЗ, 197–198.

Стерлигова И. А. (ред.-сост.). 1996. Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV века. М.: Наука.

Холден (Смирнова) Л. И. 2004. Самшит с гор Талыша по Волге реке (к вопросу о необходимости пересмотра некоторых аксиоматических положений в новгородском вещеведении) // Янин В. Л. (ред.). Новгородские археологические чтения — 2. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. Великий Новгород: НГОМЗ, 66–81.

Янин В. Л., Зализняк А. А. 2001. Новгородская Псалтырь — новонайденный кодекс первой четверти XI века // Новгород и Новгородская земля. История и археология 15. Великий Новгород: НГОМЗ, 47–52.

Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н. 1988. Отчет Новгородской археологической экспедиции за 1987 г. НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 12455 а–д.

Brisbane M., Hather J. (eds.). 2007. Wood Use in Medieval Novgorod. (The Archaeology of Medieval Novgorod). Oxford: Oxbow; Oakville, CT: David Brown Books Company.

Galavaris G. 1970. Bread and Liturgy: the Symbolism of Early Christian and Byzantine Bread Stamps. Madison: University of Wisconsin Press.

Kolchin B. A. 1989. Wooden artefacts from medieval Novgorod. Vol. 1–2. Oxford (BAR IS495).

Musin A. 2014. Conclusions de la session russe. L'adieu aux mythes, ou quelques réflexions sur les voyages vers l'Orient et vers l'Occident à l'époque viking et aujourd'hui // Bauduin P., Musin A. (red.). Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne. Caen: CRAHM, 423–434.

Pokrovskaja L. V. 2007. Ritual objects from Novgorod: the finds from Troitsky excavations 1973–1999 // Brisbane M., Hather J. (eds.). Wood Use in Medieval Novgorod (The Archaeology of Medieval Novgorod). Oxford: Oxbow; Oakville, CT: David Brown Books Company, 399–417.

Radtke C. 2010. Der Schleswig-Mann — ein „Hausgeist" aus Novgorod? // Archäologische Nachrichten aus Schleswig-Holstein 16, 92–95.

Schweingruber F. H. 2000. Mikroskopische Holzanatomie: Formenspektren mitteleuropäi-scher Stamm- und Zweighölzer zur Bestimmung von rezentem und subfossilem Material. Bern, Stuttgart, Wien: Haupt.